

М.Г. МАСАЛОВА
(Москва)

ТЕКСТОВАЯ ПАРАДИГМА И РИТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РУССКОГО ТРАДИЦИОННОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Русский традиционный свадебный обряд в том виде, в каком он фиксировался в XIX—XX веках, является комплексом, который включает в себя более простые системы. Эти системы находятся в сложных взаимоотношениях друг с другом: с одной стороны, макрообряд, относимый к типу переходных, влияет на планы выражения и содержания микрообрядов, с другой — сами микрообряды, сложно комбинируясь, формируют структуру и семантику макрообряда.

Если рассматривать свадебный обряд линейно, то он может быть представлен как особый пространственно-временной отрезок жизни социума и отдельных лиц. Внутри этого периода осуществляется переход девушки и юноши из группы неженатой молодежи в группу замужних/женатых.

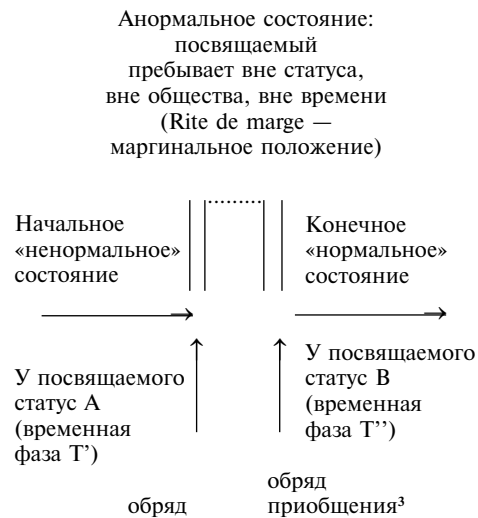
В отличие от других типов семейных обрядов свадьба является событием не столько частным, сколько общественным. Она собирает как близких и дальних родственников, так и всю сельскую общину. Отношение разных половозрастных групп к происходящему во время свадебной церемонии часто не совпадает: трагическая точка зрения невесты¹ может нарочито противопоставляться позиции ее собственного рода и, в особенности, рода жениха. Сказанное означает, что при изучении семантики, структуры и поэтики свадьбы важно учитывать позиции не только жениха и невесты, но и других участников, имеющих *непосредственное* отношение

к происходящему. Это три группы свадебных персонажей:

- а) жених и невеста;
- б) род жениха и род невесты²;
- в) друзья жениха и подруги невесты.

Прохождение «пороговых» точек обряда каждой из перечисленных групп может совершаться одновременно или существенно разводиться во времени: например, кульминацией прощания подруг с невестой становится девичник, в то время как для невесты этот акт растягивается на весь последующий период до ее отъезда к венцу.

Случаи семантических «нестыковок» текстов и ритуалов заставляют вновь обратиться к структурной модели А. ван Геннепа, предложенной им для описания «переходных» обрядов, к которым относится и свадьба. Ее обычно изображают в виде следующей линейной схемы (позаимствована нами из книги [Лич 2001, 97]):

² Ср.: «Основным противопоставлением <...> является противопоставление жениха и невесты (М и F-партий) и, соответственно, наборов действий и высказываний этих партий (М-текст и F-текст) и их локусов» [Байбурин, Левинтон 1978, 89].

³ К обрядам включения (приобщения) А. ван Геннеп отнес следующий ряд действий: «совместная трапеза, или обычай есть и пить вместе. <...> Часто совместная трапеза предполагает и ответное угощение, что создает

Обряды отделения/приобщения разводятся большинством исследователей в пространстве и во времени (дом невесты=отделение/дом жениха=приобщение) [Байбурин, Левинтон 1978, 89]. В действительности, маргинальное положение жениха и невесты растянуто на весь период свадьбы (с момента дачи согласия родителей невесты на брак) и даже выходит за ее пределы (во многих локальных традициях молодая окончательно принимается в группу женатой молодежи только после рождения ею ребенка; до родов она, хотя и с определенными ограничениями, может посещать гуляния неженатой молодежи).

В результате одновременного «озвучивания» нескольких точек зрения на происходящее на свадьбе семы ‘отделения’ и ‘соединения/приобщения’ не столько оппозиционируют друг другу, сколько взаимно увязываются. Соответственно завязка, развитие и разрешение мотива может растягиваться на значительный временной период обряда: например «поиск ярки», начавшийся на сватовстве («У вас есть барашек, у нас ярочка, вот была бы парочка»), завершается микрообрядом «Поиска ярки», разыгрываемым ряжеными на второй день свадьбы [Матлин 2004]. Наконец, свадебное действие нередко разворачивается одновременно в нескольких пространствах с участием разных свадебных чинов. При этом ритуалы и тексты, исполняемые параллельно в домах жениха и невесты, могут быть скоррелированы в семантическом и функциональном планах (прощание невесты и жениха с подругами и друзьями на девичнике и мальчишнике) или существенно разведены (в день венчания, когда невеста утром будила подруг, родных и проща-

более крепкую связь. <...> Обмен подарками обладает непосредственной силой воздействия, это принудительный акт: принять от какого-то человека подарок значит связать себя с ним. <...> В каждой местной церемонии всегда комбинируются многие приемы единения и всегда есть хотя бы один обряд обмена. И он занимает центральное место... в свадебных обрядах. Речь идет о двустороннем обмене ценностями» [Геннеп 1999, 32–33].

лась с ними, жених, дружка и поезжане, отправляясь за невестой, совершали дорожный ритуал).

Высказанные соображения заставляют признать, что «сюжет» свадьбы не может быть сведен к линейной схеме, состоящей из трех основных последовательно сменяющих друг друга этапов, разведенных во времени и пространстве. Значит, необходимо искать иные принципы структурирования обряда⁴. Опираясь на методику, предложенную Т.А. Агапкиной в книге «Мифопоэтические основы славянского народного календаря» [Агапкина 2002], для анализа материала традиционной русской свадьбы мы подключаем еще один уровень — парадигматический, учитывающий сюжетное развитие обряда и его внутренние контекстные связи. Это позволяет выделить внутри содержательного уровня свадьбы самостоятельные *темы* (=смысловые единства, проявляемые на определенном «участке» свадебного обряда и воплощаемые в разнообразных обрядовых вербальных и невербальных субстанциональных формах). Каждая *тема* в рамках свадебного обряда может быть реализована различными *мотивами*. Мотивом в этом случае, вслед за Е.М. Мелетинским, мы будем называть одноактный микросюжет, основой которого является действие [Мелетинский 1983, 118]. *Тема* и *мотив* соотносятся как общее/частное, абстрактное/конкретное. При этом в обрядовой сфере мотив формируется на основе системного единства трех составляемых: реального (точнее ритуального), ментального (=комплекс представлений, концепт) и образного (представлено в обрядовых текстах).

На каждом этапе обряда актуализируется несколько единиц содержательного уровня. В зависимости от этапа обряда та или иная тема/мотив оказывается более востребованной, чем другие. Кроме того, для каждой из них можно найти точки наивысшего напряжения,

⁴ О перспективности этого пути свидетельствует тот факт, что сами информанты при описании свадебного обряда предлагают более дробное его деление (см. об этом: [Дианова 2004, 15–17]).

когда определенная тема приобретает статус доминантной. Например, мотив прощания с девичеством (в проанализированных нами целостных описаниях обрядов Лузского р-на Кировской обл., Шебекинского р-на Белгородской обл. и Тарногорского р-на Вологодской обл.) впервые актуализируется в вербальной составляющей обряда в момент сватовства и продолжает звучать до отъезда к венцу. При этом кульминацией его звучания является период между баней и девичником. Именно на этом этапе свадьбы мотив прощания с девичеством представлен во всех песенных жанрах и поддержан соответствующими ритуалами (действия с волосами невесты).

На протяжении свадебного обряда состав мотивов, их жанровые и образные реализации не остаются одинаковыми. Это связано с тем, что в течение церемонии соотношение сем 'отделение' и 'приобщение' постоянно меняется. С этой точки зрения показателен анализ того, как происходит изменение значения мотивов купли-продажи и обмена дарами, реализующих сему 'свадьба как сделка'. Эти мотивы тесно взаимосвязаны, они составляют практически одно целое, за исключением того, что одаривает в основном сторона невесты, а покупает жених. Основное значение мотивов — 'соединение'. Через них устанавливается родство между двумя семьями, соединяются жених и невеста.

Мотив купли-продажи возникает уже на этапе сватовства: вначале в приговорах («У вас товар, у нас купец» [Семейные обряды 2003, 194]), а затем в песнях, где выплата за невесту обычно описывается как символические дары невестинной родне или как знак уважения, почтения. То, что мотив купли-продажи находит воплощение в основном в песнях, а не в причитаниях, объясняется онтологическими свойствами причитаний: они реализуют преимущественно сему 'отделения', а песни могут передавать оба значения — и 'отделения', и 'соединения'.

Рукобיתье — первая точка доминантного звучания мотива, так как именно на этом этапе происходит заключение сделки между родами жениха и невесты. С экономической точки зрения

остальная часть обряда является лишь выполнением условий договора. В текстах песен и причитаний идея запоручивания воплощается в нескольких словесных формулах, самая распространенная из них — *по рукам ударить*. Ее общее значение — скрепление сделки, запродажа, отделение от семьи, рода. По мнению исследователей, акт рукобיתья не только фиксировал скрепление брачных намерений сторон, но и был тесно связан с семантикой плодородия. По рукам ударяли через полу кафтана, а в Вологодской области существовал обряд рукобיתья, при котором женщины ударяли хлебом. Подобные действия имели охранительный характер и были вызваны заботой о сохранении плодovitости товара при передаче его покупателю [Островский 1999, 118]. Другая формула, устойчиво соотносимая с рукобיתьем, — *замыкание замка*:

*...Не запоручивай молодешеньку
И за поруки-те крепкий
Да за замки за ядрёный,
И за замки за ядрёный
Да за словечико верный...
[Семейные обряды 2003, 33].*

Формула замыкания замка в текстах, исполняемых на рукобיתье, реализует сему 'соединения' и также имеет охранительный характер. На ритуальном уровне обряд запоручивания обозначает также объединение родов, установление родства между ними, которое происходило путем обмена дарами. Жених преподносил подарки невесте в присутствии ее родственников в родительском доме; в обмен он получал подарки со стороны невесты и ее родителей.

После сговора в текстах, сопровождающих события предсвадебной недели, мотив купли-продажи встречается редко, зато мотив даров постоянно возникает и в текстах, и в ритуальных действиях. Этот период с экономической точки зрения является этапом выполнения условий договора. Стороны уже договорились, сколько гостей будет с обеих сторон, кого нужно одаривать, какое приданое должна привезти с собой невеста, поэтому невесте предоставлялась возможность закончить сбор приданого, а родственникам жениха — окончательно

подготовить предстоящий праздник. Во время шитника мотив дарения реализуется в образе подготовки даров и шитья приданого. На этом этапе ритуала мотив дарения связывался и с другими свадебными мотивами, также имеющими соединительную семантику, например с мотивом коитуса.

В составе банного ритуала мотив дарения, представленный не только в песнях, но и в причитаниях, сильно видоизменен и чаще всего выступает как периферийный, что связано с основным значением этого микрообряда. Баня — место, где невеста смывает свое девичество и осуществляет акты апотропейного характера. То, что мотивы купли-продажи и обмена дарами все-таки здесь представлены, не является случайностью: в соответствии с традиционными представлениями славян баня является пограничным локусом между человеческим и потусторонним миром [Баня и печь 2004; Криничная 2001]. Таким образом, отправляясь в баню, невеста отправляется к границе, где находит гостинцы от суженого и обменивает их на свою красоту [Островский 1999, 156]. С этим соотносится и соблюдаемый в некоторых местах обычай приносить мыло для невесты из дома жениха.

После бани мотивы дарения и купли-продажи начинают звучать чаще. В конце так называемого этапа выполнения условий сделки, во время ритуалов, основная цель которых — обмен дарами между двумя родами и женихом с невестой, эти мотивы постепенно перемещаются из текстового плана обряда в акциональный. В разных локальных традициях эти ритуалы обычно приходятся на вечер перед венчанием и, хотя именуются по-разному (*колечко, дары, байник, вечерина* и др.), совершаются по одной и той же схеме: вначале жених дарит родственников невесты и ее саму, затем невеста отдаривает жениха и его партию, потом гости дарят деньгами девушек.

Дарами жениха невесте были не деньги, а подарки, имевшие символическое значение. В ряде мест они именовались «скрутой». В скруту входили мыло, белила, румяна, гребешок, платок, т.е. всё

то, что было необходимо девушке, чтобы быть красивой, но самым обязательным даром было кольцо:

*В чулочки, в башмачки обуйся,
Мыльцом умойся,
Полотенцем утрись,
Гребешком причешишь,
В зеркальце посмотришь,
Пряничком закуси!
Прошу покорно принять*
[Русская свадьба 2000, 276].

Так в приговоре дружки описываются подарки, преподнесенные женихом. В обмен сговоренка дарила жениху платок или вешала на шею полотенце.

В утро перед венчанием происходил окончательный выкуп невесты. Этот обряд был чрезвычайно насыщен ритуальными действиями, главное значение которых — соединение двух родов. Экономические соображения и мифологические предпосылки ритуала заставляли жениха платить за каждый шаг [Русская свадьба 2000, 80]. После выкупа невеста начинала в ответ одаривать родственников жениха. Мотивы даров и купли-продажи присутствовали не только в песнях и ритуальных действиях, но и в приговорах дружки, где обретали комическую форму [Семейные обряды 2003, 202]. Этот этап церемонии можно считать доминантным для мотива купли-продажи.

Когда невеста приезжала в дом к родителям жениха, наступала ее очередь устанавливать связь с новыми родственниками и с домом, где ей придется жить. После ответных подарков невесты девушки начинали припевать неженатым парням девушек, величать сваху и дружку с тысяцким и гостей. За величания полагалось платить; здесь мотив обмена дарами был представлен в песнях, величаниях, корениях и приговорах дружки [Семейные обряды 2003, 208; Русская свадьба 2000, 77 и т.д.]. Ритуал опеования неоднократно воспроизводился на разных этапах свадьбы, но он всегда приходился на периоды вокруг совершения сделки. Во время опеования девушки или сама невеста в зависимости от того, на какой момент свадьбы приходился обряд, обходили гостей и родственников

с подносом или обносили всех вином: за выпитые «чарочки» они требовали от участников обряда ответного дара [Русская свадьба 2000, 77].

Мотив купли-продажи реализуется и в событиях второго дня свадьбы, после первой брачной ночи: молодой выкупал украденную жену, дарил тещу за соблюдение чести дочери; молодая одаривала родственников, вешала полотенца в доме; друзья и родственники одаривали молодых, разбрасывая по избе деньги. В этот момент свадьбы мотив купли-продажи выражался исключительно в акциональном коде и не был представлен в текстовой части.

Из проведенного анализа видно, что хотя мотив купли-продажи и обмена дарами востребован на всем протяжении свадебного обряда, качественно он неоднороден. Вслед за совершением сделки — выкупом невесты у родственников — и установлением родства между двумя родами, меняются образные воплощения мотива, жанровый состав текстов, в которых он представлен, его невербальные реализации. Кроме того, как и у мотива прощания с девичеством, который относился к семе 'отделения', мотивы купли-продажи и обмена дарами имеют точки доминирования: первая приходится на стговор, вторая — на ритуалы, предшествующие отъезду невесты к венцу.

Вернемся к рассмотрению тем и мотивов текстовой парадигмы и ее ритуального контекста. Жизнь каждой единицы содержательного уровня свадьбы может быть представлена в виде графика изменения количества употреблений единиц (тем или мотивов) на каждом этапе обряда. Точки максимума на этом графике совпадут с моментами доминантной актуализации сем, реализуемых темами и конкретными мотивами. Семы находятся в латентном состоянии на протяжении обряда, но в момент актуализации они становятся основой процесса дифференциации и иерархизации обрядовых единиц. Они влияют на качество единиц, реализующих другие семы, и, кроме того, по ассоциации могут «подтягивать» тексты внеобрядового происхождения, в которых есть подходящие мотивы. Таким

образом, семы задают структуру обряда, влияют на текстовую парадигму и ритуальный контекст церемонии.

Источники

Балашов, Марченко, Калмыкова 1985 — *Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтыге (Тарногорский район Вологодской области). М., 1985.

Русская свадьба 2000—2001 — Русская свадьба / Сост. А.В. Кулагина, А.Н. Иванов. Т. 1. М., 2000; Т. 2. М., 2001.

Семейные обряды 2003 — Семейные обряды Вятского края / Под ред. А.А. Ивановой. М.; Котельнич, 2003.

Литература

Агапкина 2002 — *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весеннее-летний цикл. М., 2002.

Байбурин, Левинтон 1978 — *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 89—105.

Баня и печь 2004 — Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004.

Геннеп 1999 — *Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.

Дианова 2004 — *Дианова Т.Б.* Текстовое пространство фольклора: методологические заметки к проблеме // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004. Вып. 3. С. 5—17.

Криничная 2001 — *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза. СПб., 2001.

Лич 2001 — *Лич Э.* Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов: к использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001.

Матлин 2004 — *Матлин М.Г.* Гендер и смех: половая инверсия в свадебном обряде «Поиска «ярки» // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3. М., 2004. С. 83—88.

Мелетинский 1983 — *Мелетинский Е.М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя фольклорных мотивов и сюжетов // Текст и культура. Труды по знаковым системам, XVI. Тарту, 1983. С. 115—125. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та; Вып. 635).

Островский 1999 — *Островский Е.Б.* Вологодский свадебный фольклор (история, традиция, поэтика). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.